

Оглавление

Глава 1. Логан.....	5
Глава 2. Мэллори.....	21
Глава 3. Логан.....	40
Глава 4. Логан.....	60
Глава 5. Мэллори.....	71
Глава 6. Логан.....	89
Глава 7. Логан.....	114
Глава 8. Логан.....	129
Глава 9. Мэллори.....	147
Глава 10. Логан.....	175
Глава 11. Мэллори.....	193
Глава 12. Мэллори.....	217
Глава 13. Логан.....	229
Глава 14. Мэллори.....	242
Глава 15. Логан.....	258
Глава 16. Мэллори.....	272
Глава 17. Мэллори.....	290
Глава 18. Мэллори.....	308
Глава 19. Мэллори.....	322
Эпилог.....	333
Благодарности.....	345

Глава 1

Аоган

*М*не с самого рождения было суждено стать гидом.

Да, знаю, звучит как полный бред. Да какой ребенок посмотрит на нескончаемый список возможных профессий и подумает: «Когда стану взрослым, хочу водить туристов по старой пыльной винокурне в самом мелком городишке Теннесси и рассказывать им, как появился на свет бренд «Скутер»?»

Самый вероятный ответ — такого ребенка не существует. Ну, разве что только я.

Я мог бы списать это на целый ряд факторов — например на то, что отец работал на винокурне и в моих глазах был фактически Суперменом. Или на то, что мой дед основал эту винокурню, создал бренд «Скутер Виски», вкус которого знали люди по всему миру. Еще я мог бы списать это на свое странное увлечение историей, зародившееся во мне еще в юности, или на неизменную потребность каждый день узнавать что-то

новое и припрятывать эту информацию, чтобы потом поделиться ею с другими.

Я любил читать книги, особенно биографии и исторические мемуары. Любил смотреть документальные фильмы, в основном посвященные современным технологиям, которые мы воспринимали как должное и не задумывались, как они вообще появились. У меня сформировалась привычка каждое утро просматривать газеты на предмет новостей о новейших технических достижениях или прогнозируемого «большого бума».

По сути, я был ботаном до мозга костей, хотя никогда не показывал этого остальным.

В моем небольшом городке Стратфорд для всех я прослыл мальчишкой Беккер. Меня считали бунтарем, всегда готовым подраться по поводу и без. Я был третьим по старшинству сыном покойного Джона Беккера, легенды нашего города, который слишком рано покинул нас после случившегося на винокурне страшного пожара. А еще я прослыл бабником, и, по мнению окружающих, мне было суждено не остепениться и завести семью, а спать со всеми девушками в городе, пока они это позволяли.

Таким все видели меня со стороны, но только мои братья знали меня настоящего.

У меня было три брата: Майкл, Ноа и Джордан.

Майки — самый младший. Он учился в выпускном классе и работал на винокурне со мной и нашим старшим братом Ноа. Пока еще Майки трудился в сувенирной лавке, но я чувствовал, что после окончания школы это изменится. Он чертовски талантливый гитарист и умный парень. Чую, Майки найдет себе за-

нятие повеселее, и этой винокурне очень повезет, если он останется здесь после завершения учебы.

А Ноа... Ноа — самый известный сборщик бочек на винокурне «Скутер Виски». Он мог собрать бочку быстрее любого, и за последние несколько лет ни одна из его бочек не дала протечку. Ноа начинал тут еще мальчишкой и быстро стал лидером команды. Ему нравилось донимать меня, почти всегда брат устраивал какой-нибудь розыгрыш, когда я приводил группу туристов в его часть склада, — например, прикидывался, будто отпилел палец.

И я попадался на эту удочку. Каждый раз.

Джордан — наш старший брат и единственный, кто не работал на винокурне. Его усыновили еще до моего рождения, и, хотя кожа у него темнее, чем у меня и братьев, а волосы жесткие и черные, Джордан всегда был нашим родным братом, и перед этим званием никогда не упоминалось слово «усыновленный». Он работал футбольным тренером в школе и, по моему мнению, был лучшим за всю историю нашего города.

О моих братьях по городу ходила та еще слава — особенно после того, как скончался наш отец. Мне тогда было семнадцать. Что бы мы ни делали, казалось, проблемы сами нас находят. То разборки в небольшом баре, то попытка выкрасть дочь мэра с ее же свадьбы, которая и стала последним скандалом в городе благодаря Ноа.

Горожане могут болтать о моих братьях сколько угодно, но лишь родные знали правду, какой я на самом деле, — или, точнее, кем я точно не был.

Они знали, что те драки, в которые я лез и которые все так любили обсудить, случались только потому, что я пытался остановить их до того, как они вообще начинались. Я вмешивался, когда не оставалось другого варианта, — что, к сожалению, с моими братьями случалось довольно часто. И да, это правда, что у меня ни разу не было долгих отношений, но дело не в том, что мне этого не хотелось. Просто не нашлось в Стратфорде женщины, которая могла бы настолько меня увлечь.

Мой разум требовал, чтобы его будоражили, — ночными разговорами на глубокие и неизведанные темы, обсуждениями книг и теорий заговора, вопросами, которые мне никогда не задавали, и убеждениями, с которыми я никогда не встречался.

Я ждал женщину, способную меня удивить, но до сих пор этого не произошло.

Ну... возможно, одна такая женщина все же существовала.

При мысли о ней я потянул за воротник рабочей куртки от Carhartt¹ и схватился за ручку большой двери, ведущей в зону сборки бочек. Придержал дверь открытой для идущей за мной экскурсионной группы и выдавил улыбку, хотя внутри все переворачивалось при воспоминаниях о девушке, о которой я очень старался не думать.

— Сюда, народ, — сказал я, заводя наших гостей внутрь с холода, и доброжелательно кивнул каждому

¹ Carhartt во многом известен своей рабочей одеждой, в частности это: куртки, пальто, комбинезоны, жилеты, рубашки, джинсы и огнеупорная одежда.

вошедшему. — Помните, в этой зоне нельзя фотографировать, так что сразу же попрошу убрать телефоны. А если увижу, как кто-нибудь из вас тайком снимает, мои подозрения насчет того, что вас прислали эти позеры из Кентукки, только подтвердятся, и тогда у меня не останется другого выбора, кроме как выволочь вас отсюда за ухо.

В ответ несколько человек рассмеялись. Группа протиснулась мимо меня и выстроилась вдоль стены в ожидании, когда я продолжу.

Как только металлическая дверь с лязгом захлопнулась, я сразу же нашел взглядом Ноа. В ушах у него были ярко-оранжевые беруши, а глаза прикрыты защитными очками, пока брат вставлял деревянные доски в металлическое кольцо, собирая бочку. Он посмотрел на меня с озорной ухмылкой, но снова погрузился в работу, прежде чем я успел кинуть на него предупреждающий взгляд с мольбой хотя бы сегодня не приставать ко мне.

Ноа прекрасно понимал, что сегодня со мной точно лучше не связываться.

— Ладно, народ, — сказал я, повернувшись к экскурсионной группе, оглядывающейся по сторонам. — Хорошенько осмотритесь, потому что здесь и происходит магия. Если вспомните видео, которые мы с вами уже посмотрели, то узнаете в стоящих за мной приятных джентльменах наших сборщиков бочек «Скутер Виски». Эта небольшая команда из четырех человек каждый божий день собирает по пятьсот бочек.

Ноа, Марти, Илай и Пи Джей помахали с рабочих мест и доброжелательно улыбнулись посетителям, а потом снова приступили к работе.

— Почему нам нельзя здесь фотографировать? — спросил мужчина из экскурсионной группы.

Поболтав с ним по пути из сувенирной лавки, я узнал, что он вместе с супругой и невесткой заглянул в наш городок по пути в Иллинойс, где планировал отпраздновать День благодарения.

— Хороший вопрос, — кивнув ему, сказал я, а потом обратился к остальным: — Мы с вами сейчас находимся на одной из последних винокурен, где еще изготавливают бочки, и мы не хотим, чтобы наши секреты стали достоянием общественности. Нынче почти все заводы делают заказы у виноделен, но мы гордимся тем, что изготавливаем и обжигаем свои собственные бочки. Вот почему в каждой бутылке «Скутер Виски», которую вы пьете, присутствуют те знаменитые нотки ванили и дуба.

В ответ послышался шепот. Все семьи наклонились, чтобы обсудить услышанное друг с другом, а потом с еще большим восторгом посмотрели на бочки.

— И все до единой бочки изготавливают эти четверо парней? — спросила какая-то женщина.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но тут мне на плечо положили руку, и в разговор вмешался мой брат.

— Ага. Мы с командой работаем пять дней в неделю, и каждый из нас ежедневно собирает от ста двадцати пяти до ста пятидесяти бочек. Получается, каждую неделю мы производим около двух с половиной тысяч бочек.

Толпа захохала.

Ноа усмехнулся, я тоже не смог сдержать улыбку. Мне нравилось работать с братьями и проводить

с ними много времени. Ноа старше меня, но немножко пониже ростом, что всегда его подбешивало. Если я был поджарым, то он — крепышом, а волосы у нас одного цвета — песочно-каштанового, вот только мои чуть длиннее. А еще у Ноа были голубые глаза, как у папы, а мне достались мамины — золотисто-карие.

— Поразительно, — выдохнула женщина и окинула взглядом моего брата. — Теперь понятно, почему вы так крепко сложены.

Она произнесла эти слова так тихо, что я мог бы их не расслышать. Но я их услышал, и Ноа тоже. Если бы бедняжка приехала сюда на год раньше, то, возможно, ее экскурсия по городу завершилась бы в постели моего брата. Но, увы, его сердце принадлежало одной рыжеволосой девушке, которая сейчас находилась на другом конце страны — в штате Юта, где она работала в Амери-Корпусе.

Руби Грейс Барнетт — дочь мэра. Прошлым летом она должна была выйти за другого мужчину, но решила сбежать с моим братом.

Я же говорил.

Бунтарь.

Ноа улыбнулся, приподняв кепку, а потом отвернулся и сжал мое плечо.

— Обещаю, сегодня никаких розыгрышей, — сказал он. — У тебя и без того достаточно поводов для переживаний.

Я поджал губы.

— Да.

— Она еще не пришла?

— Придет сразу после этой экскурсии.

Ноа присвистнул.

— Что ж, удачи. Если нужно будет выпить и снять стресс, приходи потом ко мне. — Он снова сжал мое плечо и вернулся на рабочее место.

Несмотря на то что живот сильно скрутило, я вернулся к группе и завершил свою речь о бочках, после чего снова повел туристов к двери, через которую мы вышли на прохладный ноябрьский воздух.

До Дня благодарения оставалось всего несколько дней, и в Стратфорде царило праздничное настроение. На каждом здании винокурни, как и на других зданиях в городе, висели рождественские гирлянды. В центре города стояла такая большая ель, что ее было видно с любого конца Мэйн-стрит, а я, окруженный всем этим великолепием, все ждал и ждал, когда же и меня настигнет праздничное настроение.

Этого не случалось уже много лет — с тех пор, как умер отец.

Я вдохнул прохладный теннессийский воздух с нотками дуба и меда, но он ни капли меня не успокоил, пока я вел группу к нашей последней части экскурсии — дегустации. Последующие двадцать минут я помогал посетителям дегустировать виски, наверное, впервые в жизни. Нет, конечно, раньше они все пробовали виски, но никогда не нюхали его, не вдыхали особый аромат и не наслаждались обжигающим ощущением в глотке.

Двадцать минут.

Именно столько занимала дегустация.

Именно столько времени у меня оставалось до встречи с девушкой, которую я пытался избегать все утро и, если честно, большую часть жизни.

Мэллори Скутер.

Скутер — как название у меня на куртке, как надпись большими буквами на здании, где мы сейчас находились, как фамилия, которая каждую неделю виднелась в правом верхнем углу моего чека.

И как семья, с которой мы враждовали не один десяток лет.

Чтобы объяснить мой мандраж, пока я ждал у себя в кабинете Мэллори Скутер, у которой сегодня первый рабочий день на винокурне, нужно вернуться в прошлое.

Видите ли, винокурню «Скутер Виски» основал Роберт Джей Скутер. И хотя на бутылках и здании значилась его фамилия, у него был важный поделельник — мой дед, Ричард Беккер.

Дедушка стал первым сборщиком бочек на винокурне — тем, кто отладил процесс и показал его значимость, что сохранялось и по сей день. То положило начало партнерству и, что важнее, дружбе между Робертом Джейем Скутером и моим дедом, которая продолжалась вплоть до смерти основателя.

И вот тогда-то и запахло жареным.

Роберт Джей Скутер не упомянул в завещании моего деда, не оставил ему ни единой акции компании,

хотя именно дедушка помог ему создать и учредить бренд «Скутер».

Винокурня и бренд полностью отошли семье Роберта — его старшему сыну Патрику, который и сейчас является ее генеральным директором. Вскоре после кончины Роберта умерла моя бабушка, а следом за ней и дедушка. Мы всегда говорили, что он умер от разбитого сердца, и, хотя люди утверждали, что причиной тому стала кончина бабушки, наша семья понимала, что немалую роль сыграли Скутеры.

После смерти деда в дело вступил мой отец, сохранив имя Беккеров на винокурне. Он начинал совсем молодым и вскоре после смены владельца стал членом правления.

После этого и начались настоящие неприятности.

Если Скутеры хотели нестись вперед на всех парах и открывать двери инновациям, то мой отец с дьявольским упорством добивался сохранения традиций. Он помнил и чтил то, что сделало бренд «Скутер» широко известным. Чем больше он настаивал, тем сильнее они закручивали гайки. В итоге отца сократили практически до канцелярской крысы, а когда ему поручили навести порядок в кабинете Роберта Джея Скутера, это стало ударом не только по его самолюбию.

Но и по его жизни.

В истории винокурни «Скутер Виски» значился только один пожар. Он и случился в том кабинете.

И мой отец — единственный, кто погиб во время этого пожара.

Моей маме, братьям и мне по сей день приходится мириться с загадочной смертью отца и отсутствием